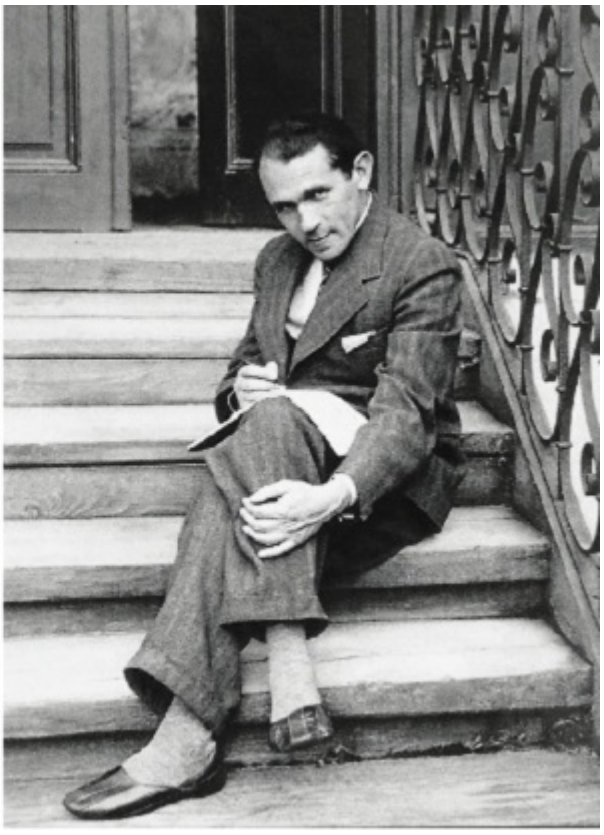
Почему Бруно Шульц до сих пор не стал своим в Украине

Автопортрет *На ступеньках своего дома, 1935*

Бруно Шульц. Обретший мировую славу уроженец Дрогобыча, чьи произведения переведены почти на 50 языков. Трагически погибший в гетто писатель и художник, которого ставят в один ряд с Кафкой и Прустом. О мастере, на гений которого претендуют несколько стран, но который до сих пор не стал своим в Украине, мы беседуем с литературоведом, организатором Международного фестиваля Бруно Шульца в Дрогобыче, гостьей Галицкой синагоги Киева Верой Меньок.

— Вера, что представлял собой Дрогобыч в конце XIX века? Глубокая австро-венгерская провинция?

— И да, и нет. Благодаря открытию нефтяных месторождений в Бориславе и

Сходнице, Дрогобыч процветал, будучи резиденцией местных нефтяных магнатов, в том числе еврейского происхождения.

С точки зрения идентичности это был город трех культур — польской, еврейской и украинской (хотя и представленной в основном крестьянами из окрестных сел). Львовский писатель-еврей Марьян Гемар — к слову, двоюродный брат Станислава Лема — называл Дрогобыч «полтора города», который состоит из трех «половинок» — еврейской, польской и украинской.

Разумеется, польская культура считалась ведущей — даже в австро-венгерский период. Поэтому высшие слои общества — как евреи, так и украинцы — были полонизованы, и семья Шульца тому пример. Бруно не имел даже еврейского имени, в отличие от старшего брата Изидора. Дома они говорили по-польски, сам Бруно идишем не владел…

Центр Дрогобыча, начало XX века

— Хотя его творческий путь начинался на еврейских площадках — достаточно вспомнить еврейскую художественную группу Kalleia, выставку еврейских художников в Кракове. Правда, чем известнее Шульц становился, тем реже обращался к еврейской теме…

— В его творчестве нет национальных категорий, хотя он не пытался уйти от еврейства — штетл постоянно возникает в его графике, а польский литературовед Владислав Панас вообще интерпретировал все наследие Шульца сквозь призму каббалы. Знаковый образ в творчестве Бруно — Мессия — так называется и его утерянный роман, который, возможно, он успел передать друзьям-католикам. Как бы то ни было, он считал его своим magnum opus — главным произведением жизни.

Шульц не отрекался от корней, хотя никогда бы не последовал примеру своей «почти невесты» — львовянки Деборы Фогель, в сознательном возрасте выучившей идиш, чтобы переводить с польского свои произведения. Она была ассимилирована не меньше Шульца, но идиш стал ее выбором, и выбором очень не простым.

Перед Шульцем такой вопрос не стоял — его сразу отдали в польскую школу, а потом в польскую гимназию. Кстати, его последний ученик — скончавшийся в 2015 году уроженец Дрогобыча Альфред Шраер — тоже не знал идиша, но до последнего называл себя польским евреем.

— Известно ли что-то о реакции на художественное творчество Бруно Шульца 1920-х годов с его фетишизмом и откровенными эротическими мотивами? Насколько его графику считали пощечиной общественному вкусу?

— Именно так и считали. Когда летом 1928 года Шульц представлял свои работы в Трускавце, художника обвинили в порнографии и потребовали свернуть экспозицию. С другой стороны, бургомистр Дрогобыча Раймонд Ярош помогает ему в организации выставок, а репутация эротомана не мешает художнику преподавать рисование в двух престижных гимназиях.

Интересно, что его бывшие ученицы, когда им перевалило за 80, а имя Шульца стало всемирно известно, вдруг начали «вспоминать», как учитель иногда клал руку на коленку, держал за плечо, как отец запретил ходить на

его уроки и т.п. Все это, очевидно, ретроспекция, вызванная поздней славой Бруно.

Он был очень востребован как преподаватель, занимался репетиторством, часто был зван на разные конференции как учитель-новатор, и обвинения в порнографии этому не мешали. При этом сам Шульц в первую очередь считал себя художником, а уже потом — писателем. Хотя прославился именно как литератор.

— Не приписываем ли мы ему задним числом ту славу, которую он обрел уже после войны? Ведь и «Коричные лавки» и «Санаторий под клепсидрой» издавались либо за свой счет, либо при помощи спонсора.

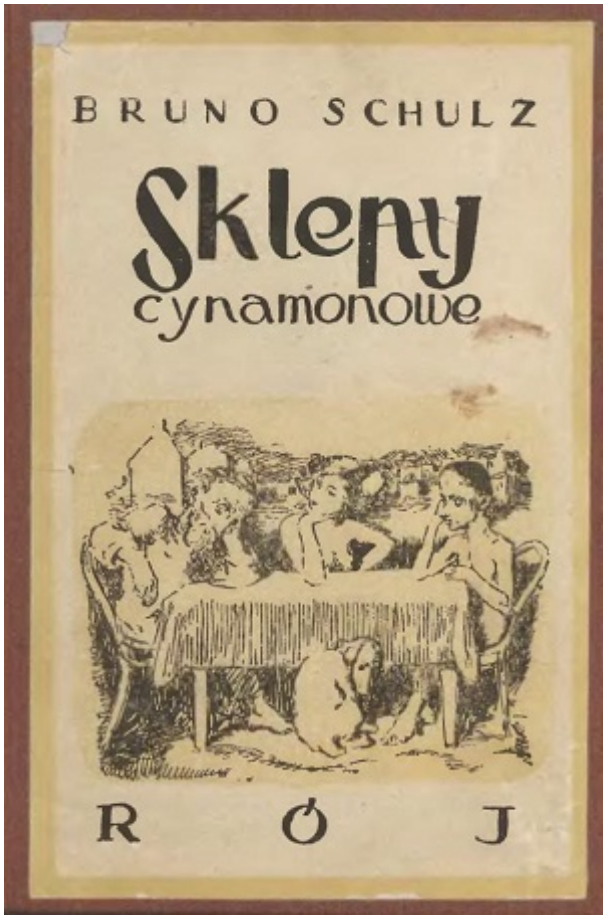
— Ни кто иной, как Зофья Налковская — очень известный прозаик и вице-президент польского ПЕН-клуба, прочитав его «Коричные лавки», сказала, что Польша еще не знала такого писателя. Местные газеты писали, что гордятся Дрогобычем, подарившем польской литературе такого мастера, как Бруно Шульц. После «Коричных лавок» в 1933 году он проснулся знаменитым, хотя сборник и был издан за счет родного брата Изидора. Но престижное

издательство Rój в Варшаве, где вышли «Лавки», было платным, и модные в те годы Витольд Гомбрович и Станислав Виткевич тоже финансировали издание своих книг.

В 1938 году Шульц получил «Золотой лавр» польской Академии литературы. Писателем для широких масс он так и не стал, но в интеллигентных кругах был очень известен. Наряду с Гомбровичем и Виткевичем его считают одним из отцов новой польской литературы, которая вышла на мировой уровень, почти перестав при этом быть польской.

Если в ранних вариантах произведений Шульца (например, в рассказе «Весна»), еще были привязки к Песаху и другим еврейским праздникам, то из окончательной версии он убирал все национальные маркеры. По-другому и быть не могло — еврейский мир — это его среда, но он полагает литературу универсальной.

«Санаторий под клепсидрой» *«Коричные лавки»*

— И, несмотря на эту универсальность, круг его общения во многом оставался еврейским, хотя речь шла о польских интеллектуалах, давно переставших соблюдать традиции своих иудейских предков

.

— Мы всегда ищем близких себе по духу, а люди, о которых вы говорите, проделали схожий путь… При этом Шульц даже не замечал антисемитизм в гимназии, где преподавал, хотя его коллеги-евреи пытались этому как-то противостоять. Он жил в своем мире, в своих мечтах и грезах, поэтому так сложно было найти с ним общий язык. Даже Юзефина Шелинская (Шренцель) — женщина, с которой он был обручен, перестает понимать, что с ним происходит. Она в восторге от его писем, но однажды задумывается — продиктованы ли они чувствами к ней, или писатель просто упражняется в стиле.

Кстати, ради женитьбы на католичке Юне, которая была дочерью крещеных евреев, Шульц вышел из еврейской общины. Мы не знаем, с трудом он решился на этот шаг или речь шла о формальности. Во всяком случае, Бруно принципиально не крестился. Пара хотела заключить светский брак, что было возможно (в отличие от остальной Польши) в Катовице, но для этого требовалось временная регистрация в Силезии.

Так или иначе, эта связь распалась — писатель не хотел покидать Дрогобыч. Жившая тогда в Варшаве Юна совершила попытку самоубийства, но в последний момент успела вызвать «скорую помощь». Большинство писем от Шульца сгорели на чердаке ее родительского дома в Янове близ Львова во время атаки УПА в 1944 году. Сохранившуюся переписку она запретила публиковать, будучи очень скрытным человеком и, вероятно, до конца жизни испытывая комплекс в отношении своего еврейства. В 1968-м, с началом антисемитской кампании, она добровольно ушла с поста заведующей библиотекой в Гданьске, перейдя на рядовую должность. В 1991 году опять предприняла попытку самоубийства, на этот раз успешную...

Юзефина Шелинская и ее могила на кладбище в Гданьске

— Шульц вообще не любил покидать родной город… Критик Артур Сандауэр, знавший писателя, пишет, что если бы тот хотел бежать из гетто в 1942-м, то у него были для этого возможности. Но Бруно якобы следовал талмудической максиме «закон страны — закон», считая, что должен подчиниться неизбежному…

— Об этом мы можем только догадываться. Куда он мог бежать, в Варшаву? Есть версия, что связной Армии Крайовой привез Шульцу доллары и арийские документы. Многие пишут, что он решился на побег, и в тот роковой день 19 ноября 1942 года зашел в юденрат, где взял паек на дорогу — все это очень сомнительно. Какой паек?! Это не голливудское кино. Известны три проекта фильма о Шульце, и ни один из них пока не стартовал — это тяжелая история, где нет хэппи-энда.

Он боялся, что его разоблачат на первой же станции. Положиться ему было не на кого, вокруг — коллаборационисты. Кроме того, нельзя забывать о личных причинах — на попечении Бруно оставались больная сестра и племянник.

Но я согласна, что он был человеком, склонным к подчинению — это очевидно из его графических работ, где некие полулюди-полуживотные извиваются у ног прекрасных дам, и все эти странные персонажи имеют портретное

сходство с Шульцем.

— Эта черта — склонность к подчинению — проявилась и с приходом Советов в 1939-м.

— Да, он даже входит в члены избирательной комиссии на первых советских выборах, оформляет избирательный участок, пишет портрет Сталина. Другой огромный портрет вождя, вывешенный на здании ратуши, загадили галки, на что Шульц заметил, что впервые в жизни рад, что его произведение испорчено.

Известен черновик его заявления на вступление в профсоюз, где автор подчеркивает, что *«жаждет углубить теоретическое познание науки коммунизма, поскольку видит в нем самую привлекательную систему мышления»*. Впрочем, такой текст по-другому и не мог быть написан, да и особого выбора у Шульца не было. Он работает художником в газете «Більшовицька правда» на украинском языке, дорисовывает обувь жнецам, потому что в СССР нет бедных, делает портреты Ивана Франко и Тараса Шевченко, и подписывается кириллицей: Б. Шульц.

— Его якобы даже арестовали за полотно «Освобождение народа Западной Украины Красной Армией», выполненное в желто-голубых тонах, но вскоре отпустили…

— Это из области окололитературных воспоминаний, хотя исключать такой факт нельзя.

— Обстоятельства гибели Шульца достаточно хорошо известны — статус «полезного еврея» его не уберег…

— Когда немцы оккупировали Дрогобыч в июле 1941-го, на Шульца обратил внимание гауптшарфюрер СС, референт по еврейским делам Феликс Ландау (отчим нациста был евреем — отсюда и типичная фамилия). Член айнзацкоманды СС, садист Ландау вел дневник, где подробно описывал расстрелы евреев, а иногда выходил на балкон своей виллы и упражнялся в стрельбе по прохожим. При этом палач не был лишен тяги к изящным искусствам и покровительствовал Шульцу, выдав ему гляйт — специальную повязку, закрытую прозрачным целлофаном, обладатель которой идентифицировался как «полезный еврей» и был защищен от депортаций.

Здание юденрата в Дрогобыче

За это художник сделал портреты нациста и его любовницы, и расписал игровую комнату маленького сына Ландау сюжетами из сказок братьев Гримм, изобразив принцессу, рыцаря, карету с извозчиком... По распоряжению гестапо Шульц также расписал стены в здании манежа и казино.

Несмотря на «защитную грамоту», Бруно понимал цену жизни в гетто,

поэтому, когда его покровитель уезжал из города, художник прятался, боясь выйти на улицу. К осени 1942 года большинство евреев Дрогобыча были расстреляны или депортированы в лагерь смерти Белжец. Шульц стал жертвой так называемой «дикой акции», когда в отместку за раненого аптекарем из гетто немецкого солдата гестапо разрешило убивать каждого встреченного на улице еврея, если тот не успеет забежать в ближайший дом. Он, истощенный физически и изможденный морально, не успел. Был убит двумя выстрелами соперником Ландау — шарфюрером СС Карлом Гюнтером. Это была изощренная месть. Незадолго до этого «заклятый друг» застрелил протеже Гюнтера — его личного дантиста и тоже «полезного еврея» Лёва (по другой версии, столяра Гаупта).

«Ты убил моего еврея — я убил твоего», — подколол вечером шарфюрер соперника. «Жаль, он мне был еще нужен», — поморщился Ландау.

— В отличие от Шульца, Ландау прожил долгую жизнь. Пытался ли кто-нибудь расспросить его о последних месяцах жизни Бруно?

— Дневники Ландау уцелели, и хранятся в «Яд Вашем». Там много страшных описаний массовых казней, но о Шульце нет упоминаний. Гауптшарфюрер отсидел несколько лет, но был помилован, освобожден, и скончался в 1983 году в пригороде Вены. Это прозвучит странно, но о гении, благодаря которому мы помним имя такого ничтожества как Ландау, за сорок лет после войны с бывшим нацистом никто не удосужился поговорить.

Это не единственная загадка — в 1990-е высокопоставленный шведский дипломат рассказал о некоем человеке из России, якобы видевшем несколько рукописей Шульца в деле КГБ. Увы, дипломат вскоре умер, и эта ниточка оборвалась.

— До войны Шульц был широко известен в узких кругах. Не стала ли его трагическая смерть тем катализатором, который подстегнул общественный интерес к творчеству мастера?

— Нет, европейская слава пришла к нему в 1960-х благодаря переводам, когда Шульц появился на немецком, английском и французском языках — и это был интерес именно к его текстам, а не обстоятельствам гибели.

Писателя ставят в один ряд с Кафкой, Прустом и Маркесом, его влияние на

европейскую культуру огромно. Ряд всемирно известных авторов так или иначе обращался к биографии и творчеству Шульца в своих произведениях — Филип Рот, Синтия Озик, Давид Гроссман. Его книги переведены почти на 50 языков, в том числе японский, корейский и т.д. 1992 год был провозглашен ЮНЕСКО годом Бруно Шульца, а в Польше даже существует рок-группа, названная в его честь, которая выступала на нашем фестивале.

— Чем был Дрогобыч для Шульца?

— Центром творческой вселенной и, по его же словам, Республикой грез. Он называет его обетованной землей, единственным городом в мире, где он может жить. Интересно, что в периоды безденежья, когда он ищет работу — и вдруг находит ее во Львове или Варшаве, то… сразу отказывается. Признаваясь, что только в Дрогобыче в состоянии творить.

Дом Бруно Шульца

Вместе с тем, это и реальный город с узнаваемым пейзажем и топографией. Интересно, что хотя ни в одном рассказе Дрогобыч прямо не упоминается, но когда на наш фестиваль приезжали поклонники Шульца из Японии и Китая, они ходили с его книгой по городу, как с путеводителем.

— Чей же он, Бруно Шульц? Еврей из Галичины, писавший по-польски…

— Ничей и одновременно общий. Этот вопрос возник лишь когда сотрудники «Яд Вашем» срезали его росписи на вилле Ландау и вывезли в Израиль — вот тогда всерьез заговорили о том, кому принадлежит гений Шульца. Но этот вопрос не имеет смысла.

— Каким же образом его можно включить в украинский контекст? Лишь по месту рождения, хотя он прожил в Советской Украине меньше двух лет?

— Он не был изолирован, в круг общения Шульца входили и украинцы, хотя говорили они на польском языке. Интересно, что в гимназии, где он преподавал, издавался школьный журнал, для двух номеров которого Бруно оформил обложки. Так вот, один из номеров за 1934 год посвящен Ивану Франко, причем польские дети так и пишут: ***наш*** великий поэт Иван Франко. Шульц варится в этой мультикультурной среде. И, к слову, улица Франко была в Дрогобыче уже в те времена.

Хотя настоящей родиной Бруно и его универсумом оставался Дрогобыч, и неважно в состав какого государства он входил: Австро-Венгерской империи, Польши, СССР или созданного нацистами Генерал-губернаторства.

— Когда же Шульц стал своим в Украине?

— Он до сих пор им не стал. Да, с 2004 года мы проводим фестиваль Бруно Шульца в Дрогобыче, но моих университетских коллег-украинистов вы там не встретите. Они по-прежнему воспринимают писателя в национальных категориях — у нас же есть Франко, и этого достаточно. Для людей, мыслящих подобным образом, сложно признать еврея, да и еще и писавшего по-польски, своим. Но для другой Украины — современной и открытой миру — для Украины Сергея Жадана и Юрия Андруховича — Шульц давно свой. Лучшие переводы Шульца на украинский язык сделал именно Андрухович. А молодой поэт Андрей Любка, чьи стихи переведены на десяток языков, как-то сказал, что Шульц научил его быть собой. Андрей вырос в украинской семье на Закарпатье, где венгерских детей воспринимали как чужаков. Шульц научил его думать иначе.

Фестиваль традиционно спонсирует Польша, хотя надо сказать, что нынешний мэр Дрогобыча — Тарас Кучма — стал первым городским головой, обратившим внимание на Шульцфест. Он пришел на открытие, понимая, что Шульц — это визитка города, и с радостью принял наше предложение провести заключительный концерт на площади Рынок. Недавно выпустили карту Дрогобыча для туристов, обозначив памятные места, связанные с

Шульцем. Да и многие горожане уже знают, о ком идет речь.

Но обольщаться не надо — пока есть профессора, уверяющие студентов, что настоящая литература строится исключительно на национальной идее, Шульц не станет у нас своим. Именно такой профессор и задает тон в местном университете — человек, для которого творчество того же Андруховича, цитирую: «Прояв диверсії проти нашої держави».

С другой стороны, вода камень точит — в бывшем учительском кабинете Бруно Шульца мы с моим мужем Игорем Меньком (1973 — 2005) открыли музей писателя в здании университета. Установлена мемориальная доска на доме, где он жил, а на месте гибели в тротуар вмонтирована памятная плита — здесь ежегодно 19 ноября в рамках нашего проекта «Вторая Осень» проходит экуменическая молитва.

Одна из росписей Шульца, вывезенных в Израиль

— В 2001 году сотрудники «Яд Вашем» обнаружили на бывшей вилле Ландау росписи Шульца, срезали три из них и нелегально вывезли в Израиль. Но мало кто помнит, что в попытке замять скандал, названный Шульцгейтом, страны заключили соглашение, согласно которому

«Яд Вашем» получил в свое распоряжение эти реликвии на 20 лет. И эти 20 лет истекают в 2021 году.

— Да, это произошло при Ющенко — после долгих переговоров соответствующий протокол был подписан в Иерусалиме. На работах даже остались инвентарные номера краеведческого музея Дрогобыча, но после того, как президент Украины узаконил передачу росписей в распоряжение «Яд Вашем», кража перестала быть кражей. При этом договор заключен с правом пролонгации, так что не думаю, что росписи вернутся в Дрогобыч, во всяком случае, решить эту проблему можно лишь на высшем уровне.

С наследием Шульца вообще связано много загадок, многие ниточки оборваны, но когда речь идет о мастере магического реализма, всегда есть надежда на какой-то сюрприз — поэтому не исключаю, что когда-нибудь найдется и текст «Мессии», и рукописи, вывезенные из гетто, и письма, о которых мы даже не подозреваем.

Беседовал Михаил Гольд